

Анна Лучок

Полесский Цмок

Анна Лучок

Полесский цмок

«Литнет»

2025

Лучок А.

Полесский цмок / А. Лучок — «Литнет», 2025

Алёна приезжает в глухую полесскую деревню, чтобы работать экологом. Молодой специалист, городская, уверенная в себе — она считает, что всё тут давно изучено, а местные байки про ведьм, «живую воду» и цмока можно смело игнорировать. Но с самого начала всё идёт не так. Навигатор барахлит, техника ломается, вода в пробирках ведёт себя странно. А Явдоха — старая травница, которую одни называют ведьмой, а другие молятся на неё — не скрывает неприязни. Попытка держать дистанцию ни к чему не приводит: одна ссора всё меняет. Алёна не верит в магию. Но чем дольше остаётся, тем яснее становится: логика здесь не работает. Люди что-то скрывают, болото будто живое, а карта перестаёт совпадать с реальностью. Уехать уже невозможно. Сдать отчёт — тоже. Приходится остаться и разбираться: с местными обычаями, своей злостью, страхом и старыми историями, которые, оказывается, никуда не исчезли. А ещё — с цмоком, о котором все говорят, но никто толком не объясняет. Кто это? Или что? Чтобы понять, придётся пересмотреть всё, во что она верила.

© Лучок А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Приказ	5
Глава 2. Обряд	8
Глава 3. Пробуждение	12
Глава 4. Назад в прошлое	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1. Приказ

— Павел Владимирович, но у меня же...

— Алёна, — послышался вздох на том конце провода, — хватит, я уже устал от ваших оправданий! Ну, поймите вы, с меня уже каждый день спрашивают.

Я нахмурилась и откинулась на спинку стула. Павел Владимирович, не чувствуя сопротивления, затараторил ещё быстрее.

— Да и от вас же никто не требует соблюдения всех протоколов, просто подпишите, да и всё.

Невольно вздохнула и прикрыла глаза рукой. Если бы в этом была вся проблема. Вот угораздило же поступить на эколога. Родители так красочно расписывали непильную работёнку в тёплой лаборатории, но что-то пошло не так и теперь я сижу в самом сердце полесья!

— Всё, будем считать, что мы договорились, Алёна. Завтра жду от вас подписанное решение.

Павел Владимирович повесил трубку, на смартфоне засветилась картинка с лесным озером. Самопрограммирование не помогало, как не пыталась, но эти леса, болота, странные местные, меня бесило абсолютно всё. А отработать предстоит ещё год. И если до этого получалось как-то увиливать от выездных работ, сложных проектов, то сейчас система дала сбой.

В прошлом месяце к директору нашего лесхоза, Павлу Владимировичу, поступило распоряжение: найти и осушить 200 гектаров болот для новых посевных. Задача не сложная с первого взгляда, вот только искать никакие гектары не нужно было. Один определённый инвестор требовал осушить болота рядом с его коммерческими полями. Директор уже и взятку получил, да только по всем показателям трогать эти места нельзя было.

Это было древнее болото, которое ещё и вдобавок подпитывается какими-то глубокими подземными водами. Я перелистывала отчёт: рН воды ниже 4.5, глубина торфа — 3 метра. Если его осушить, через год здесь будет пустыня, а через пять — торфяной пожар. Павел Владимирович прекрасно это знал, но 200 гектаров под картошку для инвестора значили больше.

— Алёнка!

Дверь в кабинет открылась и ввалился полноватый мужчина, с широкой улыбкой. Самый молодой из местных лесников, кого я с трудом терпела, регулярно захаживал в гости. Его резиновые сапоги были все в грязи и следы оставляли чёткий протектор. Поморщилась, мысленно представляя как придётся это отмывать от пола.

— Алёнка, а мы такого бусла шыкоунага бачыли! — брюнет развёл руками подражая крыльям птицы, — ён над нами ляцеу, клёкатау, а потом за некай мушкой пагнауся.

Я натянула добродушную улыбку и кивнула. Вася постоянно рассказывал мне про животных, которых встречал во время обхода. В этот раз аист, в прошлый раз заблудившийся зубр, а в прошлом месяце лесхозовский УАЗ успел пободаться с лосем, в прямом смысле этого слова. Победой над лосем и почти целой машиной Вася гордился особенно.

— А ты на Кантемировские болота ездил?

— Ой, — Вася резко выпрямился и прижал руки к телу, — Алёнка, прабач, забыу.

Я вздохнула, извини, как и спасибо на хлеб не намажешь и в отчеты не запишешь. Лучше б ты с таким же рвением про мои поручения не забывал, как приносишь всякие байки. Ведь придётся теперь самой ехать, пробы взять с соседнего участка, а замеры с Кантемировских. И глубину торфа нужно обязательно проверить. Если у этого бизнесмена будет плохая земля это не мои проблемы, а вот пожар мне на участке не нужен.

— А давай я з табой! — полешук оживился и снова заулыбался.

— Не, не нужно, — отмахнулась, — иди отдыхай, Вась, ты ж сегодня целый день в полях.

— Ой и ажанюся я на цябе, Алёнка.

Я нервно хихикнула, а Вася со всем своим мужыцким обаянием подмигнул и скрылся за дверью. Угрозы женитьбы я слышу постоянно, как приехала по распределению в местный лесхоз. Где это видно, чтобы тут девушка работала. Хотя я не считала себя эталоном красоты, но местные, а особенно не женатые коллеги постоянно заглядывались. Лишь иногда причитали, что я слишком худая, но обещали это непременно исправить. Вот только аженяцца и сразу жизнь наладится.

Бросила короткий взгляд на грязные следы на полу. Засохшую землю убирать было проще, пусть и дольше, разберусь потом. С меня самой скорее всего грязи будет не меньше. Вытянула из шкафа огромные резиновые сапоги, тяжёлый чемоданчик с приборами и колбами и долго рылась в поисках щупа.

Коллега до этого ушедшая в декретный всегда шутила, что щуп самый надёжный из приборов. И не забарахлит, и от настойчивых полешуков поможет отбиться. Длинный железный прут притаился за ворохом медицинских халатов, которые пылились из-за ненадобности. Вооружившись всем необходимым, скрипя резиновыми сапогами я поспешила наружу.

Лесхозовский УАЗик стоял прямо напротив выхода. Из-за грязи свежей и изрядно засохшей не было видно ни цвета, ни ржавчины, ни царапин от лося. Я шагнула к машине. Ключи всегда были в замке зажигания. Эта развалюха своих то не всегда слушалась, так что директор совсем не переживал за единственный оставшийся у лесхоза транспорт. Вернее, не единственный, но новенькие лады выкатывались только по особым случаям. А на замеры, всякие обыденные проверки ездить приходилось на этом.

Утрамбовала всё необходимое, хлопнула дверью и резко выдохнув двинулась к водительскому месту. Водить я, конечно, умела и ездила давно без страха, но по обычным дорогам. Полесские леса, болота вместе со старым УАЗиком были тем ещё испытанием. Я всегда избегаю работ в полях, скидываю всё, что можно на Васю, хотя иногда ему приходилось около часа объяснять, что делать. И потом ещё каждые пять минут консультировать по телефону. Но это было лучше, чем вязнуть в грязи самой.

Уже в первую неделю работы на новом месте я выла белугой и просила маму забрать меня отсюда. Города больше похожие на деревни, отсутствие нормального интернета, даже сходить развеяться толком негде. И здесь мне предлагали отработать экологом два года!

Местные очень быстро сделали из меня звезду и в маленькой газетёнке постоянно печатали как я украшаю коллектив, образую коллег и конечно борюсь за экосистему. Я краснела от кончиков ушей до самых пяток, каждый раз как Вася приносил мне очередной опус. А он горделиво зачитывал и снова угрожал жениться.

Дверь машины скрипнула, будто УАЗик и сам не хотел никуда ехать. Я забралась на сиденье, не сразу нашла замок зажигания с торчащим ключом, нащупала педали, подёрнула ручку передач и резко выдохнув, будто перед прыжком крутанула зажигание. Но в ответ не произошло ничего. Я несколько раз моргнула, крутанула ключ вперёд, назад, но УАЗик не издал ни единого звука.

Может это знак, что не надо мне никуда ехать? Достала ключ, повертела его перед глазами. Он точно был от УАЗика, может акум сдох? Снова сунула ключ, несколько раз повертела его, но машина оставалась непреклонна, даже не чихнула.

Я вылезла из неё и уставилась в полном недоумении. Несмотря на большой стаж вождения, почти шесть лет, чинить машины мне ни разу не доводилось. Максимум подливала омывайку. Хотя может оно и к лучшему, машина сломалась, я никуда не поеду, никаких проб не возьму и документов подписывать не буду. Хоть на недельку, но отсрочу этот Кантемировский проект.

В груди затеплилась приятная надежда, я сама не поняв с улыбкой стала вытаскивать приборы из салона. Но счастье длилось недолго, на плечо упала тяжёлая рука местного завхоза.

— Шо Алёнка, куда собралась?

— Да куда тут соберёшься, — с наигранной досадой произнесла я, — не заводится.

— Як то? — удивился завхоз, — ша мы яго.

Алексей Петрович, который просил его звать не иначе как Алёша, закатал рукава и двинулся к машине. А я закатила глаза. Вот только помогать мне не нужно, я уже построила планы на вечер!

— Дзиви, Алёнка.

Он кивнул, прямо показывая куда и на, что нужно смотреть. Петрович по-хозяйски дёрнул что-то под рулём, УАЗик потрянуло и послышался глухой стук. Завхоз прошёл к капоту, долго шарил грубыми, старыми пальцами в появившейся щели и дёрнув продемонстрировал внутренний мир старой машины. Я с любопытством выглядывала и рассматривала переплетение чёрных трубочек, с кусочками синей изоленды, обилие рыжей пасты на металле по бокам.

— Дай мне нешта, — Алексей Петрович протянул ко мне растянутую ладонь.

— Что дать? — я удивлённо взглянула в ответ.

За год привыкнуть к говору полешуков получилось, но вот к их загадкам, странным традициям и обычаям — нет. Если это какой-то ритуал для запуска полуживой машины, то меня никто не посвящал!

— Ну-у-у, — Петрович защёлкал пальцами, — ну шчуп свой ташы.

Я кивнула и поспешила за щупом. Почти полутораметровый прут в руках завхоза выглядел не так внушительно. Он крепко схватил щуп и ткнул куда-то в левую часть двигателя.

Я нагнулась и внимательно всмотрелась в переплетённые провода и трубочки, внутренний мир машины для меня был большой загадкой. Никого живого не видно и всё остальное выглядело таким одинаковым. Петрович аккуратно просунул щуп внутрь уперев его в чёрный цилиндр.

— Ну вось, старцер, — для верности завхоз стукнул щупом.

— И что с ним?

— Барахлиць, — Петрович стукнул ещё раз по цилиндру, и УАЗик чихнул, как простуженный дед. — Во! Цеперь заведётся, як шарманка!

Я кивнула, сомневаясь, что всё так просто. Алексей Петрович глянул на меня и кивнул в сторону руля.

— Ну хадзи, пробуй!

Всё ещё не веря, что машина заведётся после постукиваний всё-таки села за руль. Задержав дыхание, медленно провернула ключ, но УАЗ бодро затарахтел, не забыв при этом чихнуть. Петрович захлопнул капот и протянул мне щуп. Я хлопала глазами и совершенно ничего не понимала. То ли он колдун, то ли я совсем не разбираюсь в машинах.

Трастись до Кантемировской двухсотки нужно было около часа. Минут двадцать по деревням и относительно хорошей дороге, а потом петлять по лесным тропам. Богатые дома из красного кирпича плавно сменялись обычными деревянными, где-то покосившимися, где-то даже подгнившими и уже явно не жилыми. У самой кромки леса проезжала последнюю деревню и притормозила.

Хотя место из пяти домов и всего один из них жилой сложно назвать деревней, но бабуля Явдоха на всё имеет своё крепкое и непоколебимое мнение. За глаза молодые лесхозовцы шутят о её невменяемости, но при личной встрече и слова поперёк не смеют сказать. Местные по страше всегда относятся к ней с уважением. А Павел Владимирович и вовсе обращается к ней только Явдоха Яхимовна с дрожью в голосе.

Горбатая, ходящая в страшных лохмотьях, с длинной палкой наперевес, вечно нечёсаная, в перьях и мхе. Она называет себя хранительницей болот, но я считаю, что Явдоха просто городская сумасшедшая. Правда вслух об этом говорить нельзя. Полешуки уверены, что Явдоха ведьма и кто знает на что это древнее зло в лице сухонькой старушки способно.

Глава 2. Обряд

Я бродила вдоль болот уже больше двух часов и совершенно ничего не понимала. Буссоль вместе с навигатором постоянно барахлил и путал север с западом. Щупом я то натыкалась на торфяные залежи, то вообще ничего не находила. А показания рН и вовсе сбивали меня с толку. Некоторые пробы, полежав в стерильных колбах всего пять минут становились почти чёрными от мути. Набрёдя на крупный пенёк, я присела и стёрла пот со лба.

Мрачный пейзаж молчаливо наблюдал за моей злостью и бессилием и будто хихикал. На удивление за всё время мне не встретилось ни единой живой души, только кукушка одиноко куковала где-то совсем рядом. Я израсходовала все колбы и сейчас совершенно терялась, что с этими исследованиями делать. Кантемировские болота будто решили подшутить надо мной.

— Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось, — сказала я от бессилия, а птица как назло сразу же затихла.

Совсем рядом послышалось шорканье, я замерла, боясь повернуться на звук. Ветки трещали так будто через бурелом пробирался медведь или лось, но точно не меньше. Наконец среди треска послышались оханья и мат. Я выдохнула и закатив глаза повернулась. Ну точно, Явдоха.

Бабуля несмотря на возраст бодро продиралась через плотные и сухие кусты. Со своей огромной палкой наперевес. Её глаза, сильно впавшие на морщинистом лице, с едва заметным жёлтым отблеском, внимательно смотрели на меня, от такого взгляда невольно поёжилась, с трудом решила прервать её матерную тираду.

— И вам здравствуйте, а вы чего так глубоко забрались?

— Ты тут не засиживайся, — раздалось мне вместо приветствия, — ди адкуль прыйшла, не буди лиха.

— Какого лиха? — не поняла я и мотнула головой.

— Я табе шо кажу? — нахмурилась Явдоха.

Она выбралась из бурелома и стояла в шаге от моего пенька. Держась за посох обеими руками её взгляд сверлил голову, а беззубый рот шамкал, не то подбирая ругательства, не то планируя ещё какую пакость. Я засмотрелась на резной посох, какие-то руны, символы отдалённо напоминавшие узоры с рушников, плавно перемежались с кусочками земли и мха. Явдоха переминалась с ноги на ногу и прикрикнула:

— Сабирайси и вали атседава.

Старушка указала посохом на выход из болот. Я вздохнула. По-хорошему мне и правда пора. Хотя поездка вышла провальной по всем фронтам. Пробы хуже некуда, вода чернющая, рН стремится к нулю, ещё и щупом я постоянно будто в разные болота тыкала. Снова тяжело вздохнула.

— И не вздыхай, нечава тут вашему брату дзелаць. Не чапай цього месца, — Явдоха погрозила мне пальцем, — тут цмок спиць!

— Какой ещё дракон? — я нахмурилась, — бабуль, вы, что совсем одичали?

— Млада ты шчэ, але неразумная як цяля. Я цябе гавару, не чапай гэтых месц.

И, что она так вцепилась в меня. Не трогай, тут дракон спит, ещё и телёнком меня обзывает. Нехотя закатила глаза. Кажется с каждым годом Явдоха становится всё хуже, вот только здоровья и сил ей не занимать. Скачет босая по этим болотам да лесам и ничего её не берёт.

Спорить было бесполезно, не только из-за абсурдности, но ещё и потому, что бабуля не желала слышать никаких доводов. Когда я только попала в лесхоз первые недели делать ничего не хотелось, мама еле как уговорила хотя бы просто бумажную работу привести в порядок. В итоге к концу своего первого месяца я обнаружила, что за состоянием земли совершенно не следили. Тогда-то я и встретила податливого Васю, быстро прибрала к рукам. Павел Вла-

димирович был в восторге и долго благодарил, что я взяла мужика на поруки, а то спился бы без меня.

В итоге по моим поручениям Вася побывал почти в каждом кусочке вверенных территорий. Везде взял необходимые пробы, произвёл замеры и даже сделал фотоотчёт. Вот только такая активность Явдохе совершенно не понравилась. И на второй месяц она явилась в лесхоз самостоятельно. Долго ворчала и требовала ничего не вынюхивать. Договориться тогда не получилось и с тех пор старушка меня особенно недолюбливала.

Я встала с пенька, потянулась хрустнув позвоночником и простонала. Как объяснять провальные отчёты Павлу Владимировичу не знала. И просто так подписывать разрешение на осушение не хотелось. Взятки берёт он, а ответственность потом мне нести, хорошо устроился ничего не скажешь.

Явдохе желая придать мне ускорение ткнула посохом в спину. Я взвизгнула от неожиданности и подпрыгнула на пару метров.

— Вы что делаете?! — крикнула от досады.

— Выпроваживаю! — ответила в тон ведьма.

Вздыхнула, спорить было бесполезно. Стала медленно паковать пробы в ящик, стряхнула как могла грязь со шупа и поднявшись, неспеша двинулась к брошенному на лесной тропинке УАЗику. Явдохе, будто не верила, что я так просто уйду и двинулась следом. Она что-то бормотала себе под нос и это отвлекало, совершенно не давало сосредоточиться на собственных мыслях.

— И чавой та ваша братия сюда зачэстила?

Я обернулась, не веря, что вопрос был адресован мне. Явдохе нахмурилась и мотнула головой в нетерпении.

— Павел Владимирович хочет тут двести гектаров осушить, — не стала юлить и сказала, как есть.

— Шчэ чаго!

Пожала плечами. И рада бы не участвовать в этом всём, но выхода нет. На весь лесхоз я единственный эколог и единственная кто может дать заключение о пригодности места к осушению. Может к чёрту эти условности, подпишу бумаги, а там пусть сами разбираются с последствиями. А на суде скажу, что на меня давили.

Явдохе возмущалась за спиной, материла жадность лесхоза и людей, иногда так распалялась, что цепляла своим посохом деревья и по округе разносился глухой стук. Вслушалась всего на мгновение в её речь и вспыхнула от злости:

— Усяго чаго вашыя захочуць так на гэтая не ускочуць, лепей табой займуцца, больш пользы будзе, — и побормотав что-то неразборчиво, ещё добавила, — Хай табе чорт сякель выкручвае.

— Да что вы ко мне прицепились?

Я развернулась к ней и крикнула. Терпеть ещё и полоумную бабку сил совсем не было. Мне и так недоплачивают за весь тот ужас, что приходится видеть.

— А по што ты маі балота чапашь?

— У меня приказ!

— Прыказ? У мёртвых тваёй прыказ хваце!

— Да адчапицесь вы!

Я поёжилась. Вася всегда говорил, что Явдохе не оскорбляет, она пророчит и проклинает. Вот только сидя в кабинете верилось в это с трудом. Но посреди болот, в сгущающихся сумерках старушка больше не выглядела сумасшедшей. Жёлтые глаза сияли всё ярче, будто подсвечивались изнутри как фонарики. Невольно задрожала от нахлынувших мурашек.

— Дурна ты мокрая курица, — вздохнула Явдохе, — кацися у свой горад і балот маіх не чапай.

— Да как вы не понимаете...

Я махнула рукой и бодрее зашагала к машине. Не хватало ещё застрять ночью в лесу с полоумной.

Явдоха почти сразу отстала от меня и шагать стало легче. Без ворчания за спиной было чуточку спокойнее. Уже через несколько минут показался грязный бок УАЗика, машина смотрелась инородно среди зелени, будто на поверхность воды налили бензин, и он расходился разноцветными разводами.

Вещи в салон не складывала, скорее швыряла, всё ещё злясь на старушку. И ведь нужно было пересечься с ней в лесу. Наслушалась всяких гадостей, а ощущение будто Явдоха до сих пор за мной наблюдает постоянно держало в напряжении. Посмотрела по сторонам, но из темнеющего леса ничего не выглядывало в ответ. Вздохнула, сама загрузилась в машину и зачем-то перекрестившись повернула ключ зажигания. УАЗ вопреки ожиданиям бодро рыкнул и затрясся.

Жёлтые, тусклые фары машины освещали всего пару метров перед капотом и двигалась я всё медленнее. Мне вечно мерещилось, что из-за дерева выбегает человек или какой-то зверь огромный, хорошо хоть руль не бросала, а просто каждый раз давила тормоз. Тропинка пролежала рядом с другим большим болотом, иногда проходя по самому берегу, там я поплелась почти со скоростью шага, боясь не разглядеть тропинку и угодить в трясину.

Вот только такой моей езды УАЗ совсем не оценил и пару раз чихнув, так, что телефон слетел с панели куда-то на коврик, заглох. Я моргнула несколько раз, не веря своей удаче, повертела ключ зажигания, но машина всё проигнорировала. Чертыхаясь, долго искала в темноте телефон. Успела вспотеть и намочить колени штанов, прежде чем открыла капот.

— Осталось самое сложное, вспомнить, где находится стартер, — приободрила я саму себя.

Темнеющий лес и болота отвечали пугающей тишиной. Раньше хотя бы жучки всякие стрекотали, а тут будто вымерли все.

Щуп, как назло, не хотел вылезать один из салона, цеплял какой-то плед на сиденье, потом перевернул сумку с пробами, поправлять наведённый порядок совершенно не было желания, поэтому вооружённая вернулась к капоту. Долго светила фонариком, вглядывалась в мотор УАЗика, в трубочки, радиатор и никак не могла вспомнить куда стучал Алексей Петрович.

— Может я по всему постучу и тебе полегчает?

Вздохнула и стала медленно опускать щуп, но он словно живой уткнулся в трубочку, изогнулся, выскакивая из рук и стукнувшись о мотор стал упрыгивать к болоту, будто превратился в змею и хотел поскорее укрыться в подходящей среде обитания. Я смотрела как металлическая трубка, неслась в трясину и не знала, что делать, только подсвечивала её путь фонариком телефона.

— Да вы издеваетесь, — прошипела, когда щуп наконец плюхнулся набок.

Он поблёскивал в свете фонарика и медленно погружался в болота. На всякий случай упёрла телефон в щель капота и вооружившись рядом валявшейся веткой стала вытягивать щуп. Но тот, как назло, не поддавался и продолжал идти ко дну. Я уже не скрываясь материлась. Лезть в болото не хотелось совершенно.

— Да чтоб тебя черти... — запнулась, я невольно повторяя ругательства Явдохи.

Отбросила ветку и вздохнув всё-таки шагнула в болото, предварительно прошупав место. Второй шаг уже рядом со щупом, который норовил вот-вот скрыться в мутной воде. Бросила его к машине и стала медленно разворачиваться. Но в шаге от твёрдой земли я застыла, передо мной стояла Явдоха и улыбалась.

Я вдохнула воздух, не зная, как реагировать. Старушка совсем по девичьи хихикала, а я не замечала, что медленно проваливаюсь. Болото засасывало меня.

— Вы что делаете?

Явдоха замерла всего на секунду и растянув морщинистое лицо в улыбке, почти ласково проговорила:

— Учю.

— Что?

Дёрнулась и почувствовала, что уже по пояс увязла. Вскрикнула, дёрнулась снова, но это сделало всё только хуже. Болото быстрее и резвее тянуло меня вниз. Подняла руки и потянулась к небу, к противной старухе.

— Да помогите мне!

Но Явдоха не желая слушать развернулась и пошла по своим делам. Взыла словно загнанный зверь, сколько ни дёргалась в разные стороны, ни кричала, ничего не помогало. Тело уже по грудь погрузилось в трясины. Закидывала руки и хваталась за воздух, тянулась к берегу, но он будто становился всё дальше. Одежда быстро намокала, неприятно липла к телу.

— Да будь прокляты эти болота!

Крикнула в сердцах, когда мои уши залила холодная и противная вода. Поморщилась. Взгляд давно уставился в звёздное небо прямо над головой. Не на это я рассчитывала, учась на эколога, не такую судьбу себе хотела.

Глава 3. Пробуждение

— На удачу от проказы...

Скрипучий старческий голос упорно шуршал в голове и медленно вылавливал из сна. Морщилась от яркого света, слепящего плотно сомкнутые веки. Тела не чувствовала совершенно, голова чугунным молотом давила неудобные доски, что-то впивалось в лопатки, отчего пульсация болезненно расходилось по коже.

— Домовой, — голос пошаркал, — дух невидимый, но выгаданный.

Мою голову приподняли, а к губам приложили шершавую плоскую. В горло полилось горькое, с привкусом плесени тёплое варево. Закашлялась и снова поморщилась, нос защекотало. Веки нехотя открылись, сквозь пелену было плохо видно, но комнату узнать не получалось.

Луч солнца пробивался через щель в ставне, осветив стол, заваленный сушёными травами. Над головой висел рушник — не с цветами, а с вышитыми змеями. Я протянула руку к ткани и узоры шевельнулись словно живые. Какой странный сон. Отдёрнула руку.

Но запах дёгтя и печёного хлеба были слишком реальными. Совсем рядом стояла незнакомая старушка, в серой свободной рубаше с красными узорами на рукавах и шее, очень похожие на змей с рушника. пышной юбкой такого же цвета и длинным передником, расшитым цветами в самом низу. И лапти на ногах. Бабуля широко улыбнулась и сунула мне в руки глиняный горшок.

— Пий милая, пий ещё, а то лихо не отпустит.

Я поднялась на локти и взглянула на странного вида варево. Из-за коричневого горшка было сложно понять какого цвета жидкость, но плавающие сверху мухоморы совершенно не внушали доверия. А ещё кусочки чего-то чёрного, похожего на уголь. Неприятный ком подкатил к горлу, прикрыла рот ладонью.

— Что это?

— Мухоморная настойка, от злого глаза. Тебя братцы нашли у чащи, два дня тебя выхаживаю, только это и помогло.

— Мухоморы? Вы меня отравить хотите? — я задохнулась от возмущения.

— Дурная, — возмутилась в ответ старушка, — кто ж ад мухаморавой настойки травища? Гэта ж лека!

С каких пор мухоморы стали лекарством? Я скривилась и закрыла глаза, боясь представить, что за два дня местная знахарка успела влить в меня. Голова страшно кружилась, от привкуса плесени и мухоморов во рту вязало, слюна никак не сглатывалась и вязким комком растекалась по языку. На улице слышались крики петухов, громкие залиvistые песни.

— Воды, дайте, пожалуйста просто попить.

— Ага!

Бабуля подскочила и поставила горшок с мухаморами на пол рядом, а сама вернулась уже через секунду с деревянной плоской. Придирчиво глянула на черпак, обвитый ржавыми, но не потерявшими изящества, прутами. В моём положении воротить носом и придираться не самая лучшая идея, всё-таки эта бабуля и её братцы вытащили меня из болота. Интересно, что они там ночью делали или это Явдоха сжалась и отравила подмогу?

— А где мои вещи?

Я, проморгавшись снова осмотрела комнату. Над столом было совсем маленькое окошко, домик был явно очень старым, внутри не было ни намёка на современность, даже лампочку под потолок не повесили. Через мутные стёкла пробивались яркие лучи солнца, но от этого в доме в самых дальних уголках не разгонялась тьма.

Вместо привычного холодильника в углу стояла прялка, на столе подальше от разложенных трав на ткани, керосиновая лампа. Склонила голову пытаясь вспомнить как давно видела что-то подобное за пределами музеев.

— Яки такие? — не поняла меня бабуля и оторвала от разглядывания дома.

— Ну-у-у... телефон, рюкзак, УАЗик? — я стала перечислять.

Бабуля только хмурилась, медленно качала головой. Неужели украли? У меня в груди всё похолодело от мысли как буду отчитываться за потерянную технику и приборы. Павел Владимирович меня приберёт. Накрыла лицо руками.

— Ох, — вздохнула старушка, — горе то какое. Блаженная ты моя, навошта у балота ноччу палезла. А твоя мамко кто? Адкуль ты?

Я выглянула из-под пальцев, а меня крестили, всё покачивая головой. И с чего это я блаженная, у меня всё украли, очнулась чёрт знает где, как добраться до дома ещё надо выяснить. Вздохнула. И зачем ей мама моя?

— Я из Минска, мне обратно надо... А где я? — тихо протянула.

— Так-то Борки близ Пинска.

— Что?..

По спине пробежались болезненные мурашки. Если это какая-то шутка, то очень несмешная. Ещё в первый месяц Вася вызвался провести меня по угодьям, мы ездили до самой ночи, а полешук не уставая рассказывал всякие байки. Как в детстве дедушка его обманул и рассказал, что ёжики — это святые кусочки сала и обижать их нельзя, как местные верят, что в болотах под Припятью цмоки яйца откладывают. А на обратном пути мы проезжали мимо совсем заброшенной деревни.

Покосившиеся дома с провалившейся крышей, заросшие травой и мхом. Тёмные доски словно обгоревшие кости торчали сквозь остатки дранки. Совсем небольшое кладбище прямо возле дороги с чёрными, крупными и пухлыми крестами камнями среди высокой травы. И цапли колодцев с обломанными носами, царапающие небо.

— Что это? — спросила я, заворожённо рассматривая мрачные пейзажи.

Одиноким сизый дымок из последнего дома у дороги был словно тлеющий уголёк. Васе и самому было неуютно проезжать мимо. Он вжал голову в плечи и сипло ответил.

— То Борки, дзярэуня багатая была

— А тут кто-то живёт?

— Так бабка Марва, остатния пауызджали, одна вона засталася.

В тон его словам единственная жительница выплыла словно призрак из-за дома. Её тонкое тело было перетянуто одеждой, будто мумия бинтами. Я поёжилась, смотря на сухонькую старушку, с вытянувшимся, бледным лицом. А та в ответ сверлила взглядом и очень долго провожала нашу машину, не двигаясь с места.

Тогда жёлтые фары УАЗика выхватили выпцарапанные огромные буквы на стене покосившегося дома: «Не чапайце балота». Вот только Вася ничего не сказал. Не заметил или решил проигнорировать, а я не стала задавать вопросов.

Это должно быть какой-то розыгрыш. В районе больше не было деревни с таким названием. В Борках не было ни одного живого дома. Сердце бешено заколотилось, кровь прилила к лицу. Я резко села, и бабуля вздрогнула.

— Ты чаво, милая?

— Мне надо на воздух.

Голова всё ещё сильно кружилась, едва переставляя ноги, я двинулась к окну, отмахнулась, понимая, что ставни тут слишком старые, они не открываются. Тонкие ситцевые шторы с узором из цветов просвечивались и едва заметно колыхались. Нашла взглядом дверь и бросилась к ней. Навалилась плечом и из прохлады дома вывалилась в теплоту поздней весны, подставляя лицо ярким лучам. Зажмурилась и не сразу решилась снова открыть глаза.

В нос ударил запах ели и навоза, в доме я не слышала и половины звуков, которые сейчас нестройной какофонией навалились. Отдалённое ржание лошади, звонкий стук метала, детские крики и женский дружный хор, а ещё вскрики петухов, которые поселяли в сердце шемящую тревогу.

Мимо по улице пробежали совсем маленькие девочки, в старых платьях, которые я раньше видела только на картинке. Они смеялись, о чём-то бурно разговаривали и несли по охапке цветов и веточек.

Вдоль улицы стояли ладные деревенские дома, деревянные, низкие. Резные белые наличники вокруг совсем маленьких окон, красивые колонны с вырезанными животными и узорами на крыльцах. Где-то совсем далеко послышался стук топора и будто вторящий ему пронзительный крик петуха. По спине снова пробежались мурашки. Я будто попала в прошлое или в какую-то очень древнюю деревню. Но это не могло быть правдой. Ни один из вариантов.

— Милая, ты сядь.

Моего плеча коснулась старушка. Я послушно села на крыльцо, рассматривая дома, всматриваясь в тёмные кроны деревьев позади. Лес был совсем близко, высился над небольшой деревушкой, и выглядел он иначе, не так, как я привыкла. Величественный, мрачный, но нестрашный.

— Ой, что ж то делаецца, бедная сиратинушка, — причитала бабуля рядом, — ты сядзи, я за Явдохай схажду.

— Явдоха?

Я оживилась, услышав знакомое имя, и снова подскочила. Старушка замахала руками, пытаясь усадить меня обратно, ноги и так еле держали, а трепещущее сердце подкатывало к горлу. Болезненно сглотнула и почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Я ничего не понимала и была в шаге от истерики.

— Ну, ну, — бабуля вытерла передником мои слёзы, — пойдзем, не плач.

Она взяла меня за руку и повела в конец деревни. Я шмыгала носом и смотрела под ноги. Камуфляжные штаны все в грязи, местами порванные болтались на худых ногах. Вместо такой же байки на груди была рубашка, как на бабуле. Серая со змеиными узорами, она висела на мне почти до самых колен, а рукава скрывали ладони. Босые ноги щекотали и царапали камешки на земле.

В самом конце деревни был тёмный дом с ярко-голубой дверью, гибкий забор из лозы, совсем невысокий, сдерживал небольшую стайку кур. Бабуля, взявшись за забор, слегка, перегнулась и, набрав побольше воздуха в лёгкие, крикнула:

— Явдоха! — повернулась ухом к дому и громче рявкнула, — Явдоха!

— Чаго?

Из-за дома вышла совсем молодая девушка, с длинными, толстыми тёмными косами. В чёрном платье с красными узорами, с красивой шнуровкой на груди, юбкой чуть ниже колена. За тонким поясом у неё висел кухонный ножик с деревянной ручкой. Её глаза сверкнули при виде меня.

— Это ваша што ль, блаженная? — Явдоха улыбнулась и ткнула в меня пальцем.

— Хиба яна крудзила цябе? Ну, залатая ты наша, — моя бабуля покачала головой, — дапамажы гаротницы.

Хотя я понимала каждое слово, но общий смысл утекал будто вода сквозь пальцы. Я, конечно, ожидала встретить старую каргу, но даже её никак не обижала. И с чего это я стала жалкой и бедовой, и почему это мне помогать нужно? Поморщилась, но вступать в разговор не стала. Только наблюдала. Явдоха, которую помнила, выглядела совершенно по-другому. Лет на шестьдесят старше как минимум. А тут ладная, красивая девушка, мой взгляд снова проскользил по бледной, почти светящейся коже, пышной фигуре и остановился на босых, но на удивление чистых ногах. Явдоха, которую я помню тоже постоянно ходила босая.

— Дапамажы, дапамажы, — она поморщилась и скрестила руки, — не адгэтуль яна.

— А адкуль? — старушка повернулась ко мне, — Адкуль ты, милая?

— Из Минска.

— Ну, з Менску, — кивнула старушка и повернулась снова к Явдохе, — дык адправим яе дадому? Ой, што ж з табой прыключылася.

Ведьма покачала головой, она подошла ближе, облокотилась на забор со своей стороны и внимательно посмотрела в мои глаза. Я замерла, словно олень в свете фар, не в силах пошевелиться. Неприятный вязкий ком застыл у горла.

— Брэшаш... Глаза-то у тебя ясные, а слова — туман. Ты не из Менску, ты з... другога месца.

Кивнула, будто заворожённая. Полесье за год не стало для меня домом, и я всегда по привычке называла свой родной город, но это не было враньём. Глаза Явдохи, ярко-жёлтые, будто у кошки светились, я медленно переставала замечать что-либо вокруг и разглядывала едва заметные янтарные и коричневатые прожилки в радужке. Но этот странный гипноз прервала старушка.

— Ня зліся, Явдоша, яна блаженная, мабыць и забыла усё.

— Памятае, — мотнула головой ведьма, — але яна не адсюль и дапамагчы я ничым не магу.

Я встрепелась. События последних дней и особенно вечера перед встречей с Явдохой были живы и яркие в памяти. Я ничего не забыла, но эта молодая ведьма и старая точно как-то связаны.

— Это вы, — голос дрогнул, а Явдоха вздёрнула бровь, — вы со мной сделали.

Ведьма заливисто рассмеялась, а я поёжилась и обняла саму себя, растирая предплечья. Старуха Явдоха и эта девушка были до чёртиков похожи и не похожи одновременно. Чем больше всматривалась, тем больше замечала. Похожий говор, глаза, босые ноги.

— Явдоша, не пужай дитятко! Она и так перепугана, — тёплая рука старушки коснулась меня подбадривая.

— Пушчай баицца. Может, тогда поймёт, куда вляпалась. Не твая гэта Ганна забота.

Явдоха всё ещё широко улыбаясь, будто упивалась моей паникой, медленно подступавшей. Нахмурилась. Да почему я вообще тут чего-то добиваюсь? Какой помощи? Развернулась и, совершенно игнорируя причитание старушки Анны, пошла прочь. Ничего и не с таким справлялась, выйду к дороге, доеду попутками до лесхоза, а там разберусь с этой престарелой Вендетой!

Двинулась прочь под причитание бабули Анны, она попыталась броситься за мной, но Явдоха махнула рукой и сказала:

— Пушчай, шчэ вернецца.

И никуда я не собираюсь возвращаться! Разве только домой. Вот только доберусь до лесхоза и расскажу всё Павлу Владимировичу и добавлю, что старуха меня в болото скинула. Пусть сами с ней разбираются, а мне отгул на неделю, не меньше. После таких приключений недолго и с ума сойти, взаправду.

Дом молодой Явдохи был последним в деревне, лес не стоял к нему так плотно. Дорога уходила, петляя куда-то в чащу, было очень похоже на один из проездов через болота. Правда, ни следов машинных шин, ни даже обычной обуви не видела. Только грязь и лужи, да пару колеин от совсем тонких колёс, почти велосипедных. Может, и не ездит никто в эту глушь, но к дороге я должна выйти.

Сделав всего несколько шагов по тропинке, аккуратно огибая лужи и грязь, всмотрелась в странный заборчик прямо посреди чащи и заметила знакомые пухлые кресты камни. Волосы неприятно зашевелились на затылке. Это кладбище. Ноги запнулись, и я замерла, всматриваясь

в одинаковые таблички с едва различимыми буквами. Одна могила была совсем свежая, над ней ещё не успели поставить камень, только худенький крест из двух досок, с обгрызенными краями.

Кукушка крикнула прямо над головой. Я пригнулась и поспешила дальше по тропинке. Странное место, страшное, и задерживаться совершенно не хотелось. Чем дальше от деревни, тем гуще становился лес, а тропинка сужалась, так что по ней едва ли могла проехать небольшая телега. Грязь, не засохшая после дождей, липла к ногам, даже пытаюсь идти по самому краю, умудрялась соскальзывать. А позже сдалась и, закатав штаны, шагала почти не глядя, огибала только совсем огромные лужи.

По краям в колеях от колёс стояла мутная вода. В ней плавали пузыри, будто какая-то жаба забралась внутрь и баламутила эту жуть. Дорога резко оборвалась и от неё пошла уже совсем лесная тропинка. Намного суше и приятнее, усталая еловыми иголками, шишками и мелкими веточками. Ступни неприятно кололо, но к этому я быстро привыкла. Подушечки из грязи на ногах «нарастили» шерсть в виде еловых веток.

Чем дальше проходила, тем чётче ощущала гнилостный запах, который лишь иногда перемешивался с запахом застоявшейся воды. Примерно так для меня всегда пахли болота, а ещё грязью, жжёной шерстью и кожей. Поморщилась.

Тропинка вывела меня к болотам, Кантемировским. Эти места я ни с чем не спутаю. Ведь именно здесь ещё вчера Явдоху вела меня, пихая палкой, будто на расстрел. Ещё вчера вместо тропинки здесь была дорога, стоял УАЗик. Моргнула, не веря самой себе, протёрла глаза, но Кантемировские болота стояли как ни в чём не бывало.

Совсем рядом послышался громкий и настойчивый «кар». Я застыла и медленно повернула голову на звук. Всего в паре шагов на пне сидел огромный ворон, который едва помещался. Он переминался с лапы на лапу, как наши глаза встретились, пошевелил крыльями и внимательно уставился в ответ.

Огромная птица своим внимательным взглядом глаз-бусин прибила мои ноги к земле. Раньше на рассказы Васи о таких воронах, которые бросались на людей, только отмахивалась, а теперь было не до смеха. Медленно сглотнула и сделала шаг назад. Ворон не отводил взгляда, кажется, даже не моргал. Хотя его чёрные бусины было сложно рассмотреть на морде среди тёмных перьев. Он приоткрыл клюв и снова оглушительно каркнул. Перекрикивая далёкие звуки деревни, стрёкот насекомых и щебетание каких-то птичек.

Я вздрогнула и поспешила прочь. Ворон не шелохнулся, только медленно поворачивал голову в мою сторону. Оборачивалась на него, пока не потеряла из вида и после стала внимательно вглядываться в чашу. Вот только животные больше не встречались, вместо них на деревьях висели красные ленты, пучки полыни и укропа. А иногда встречались столбы, расписанные рунами и украшенные венками. Такой архаичности даже в природоохранных заповедниках не видела. И куда меня занесло?

Обратно по уже знакомой тропинке я бежала, будто за мной по пятам гнались и вот-вот должны были схватить. Только заметив тёмный дом Явдохи, я замедлилась и схватилась за бок, который колол острой болью. Ведьма, напевая себе что-то под нос, развешивала на заборе длинные пучки трав, проверяла старые, что-то скидывала под ноги курам. Заметив меня, она не упустила возможности поиздеваться. Облокотилась на забор и наигранно мурлыкая спросила:

— Што, вжэ нагулялася?

— Не ваше дело, — пропыхтела в ответ.

— Ну як то, — удивилась Явдоху, — то ж я цябе.

Я замерла и удивлённо взглянула на неё. Ведьма улыбалась, в жёлтых глазах плясали смешинки. Так это всё-таки она устроила, вместе с горбатой каргой. Признались! Ну теперь дело пойдёт проще.

— Куда вы дели мои вещи? Верните меня обратно!

— Куды? У балота? — хихикнула Явдоха.

— Не стройте из себя дурочку, — я топнула босой ногой и охнула от острого камня, угодившего под пятку.

Шапочка из грязи и веток не была хорошей заменой обуви и легко расступилась, позволяя камню рассечь кожу. Я, опустив взгляд вниз, смотрела, как ярко-красная кровь проступает на коже, растекается и смешивается с грязью.

— Хадзи, бядовая, — послышался вздох.

Явдоха открыла калитку и кивком пригласила в дом. Шмыгнула носом и, ковыляя, поспешила к ней.

Спасибо за внимание к истории. Остальные ждут вас в литмобе «Легенды Беларуси». Переходите по одноимённому хештегу в шапке книги.

Глава 4. Назад в прошлое

Пока Явдоха замешивала травы в котелке одной рукой и растирала какие-то в маленькой ступке второй. Я замачивала ноги в совсем маленьком ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.